

Р. КОН, Д. ЛЕВИТАН

Р. КОН, Д. ЛЕВИТАН

**КАК ВЛЮБИТЬСЯ
В НЕЗНАКОМЦА**

Издательство АСТ
москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

К64

Rachel Cohn, David Levithan

DASH AND LILY'S BOOK OF DARES

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment,
LLC и Andrew Nurnberg LA

Кон, Рейчел.

К64 Как влюбиться в незнакомца / Рейчел Кон, Дэвид Левитан ; [пер. с англ. О. Лозовской]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 224 с. — (Виноваты звезды [покет]).

ISBN 978-5-17-090846-2

Разумно ли возлагать все свои надежды на красную записную книжку? Как пережить Рождество, если ты его терпеть не можешь? Стоит ли доверять девушке, которую ты и в глаза не видел?

В рождественские дни чудеса сбываются чаще. Особенно если ты не сидишь сложа руки. Лили искала друга, а нашла настоящую любовь. Дэш всегда говорил, что терпеть не может Рождество, но теперь уже не так в этом уверен. «Как влюбиться в незнакомца» — история о любви, надежде и волшебстве, которое по силам каждому.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-090846-2

Copyright ©2010 by Rachel Kohn and
David Levithan

© О. Лозовская, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ГЛАВА 1

Дэш

21 декабря

Можете себе такое представить?

Вы бродите по своему любимому книжному магазину, рассматриваете полки и никого не трогаете. И вот, как только вы добираетесь до секции, где стоят книги вашего любимого автора, находите между хорошо знакомыми корешками красную записную книжку.

Ну и что вы сделаете?

Думаю, это вполне очевидно.

Конечно же, достанете книжку и откроете ее.

А потом сделаете то, о чем там говорится.

Рождество в Нью-Йорке. По-моему, самое отвратительное время года. Праздно шатающиеся толпы на улицах, бесконечные визиты близких и дальних родственников, жалкие попытки развлечься — мое обычное отвращение к общению от этого

только усиливалось. Куда бы я ни пришел, мне тут же хотелось немедленно куда-нибудь сбежать. Никогда не любил Рождество. Никогда.

Единственный светлый момент — школа в это время закрыта (наверное, чтобы все могли побегать за покупками и осознать что родственники хороши только в малых дозах). В этом году мне удалось почувствовать себя сиротой: маме я сказал, что проведу время с отцом, а отцу — что с мамой. Они явно обрадовались и организовали шикарные каникулы — каждый сам по себе. Мои родители не разговаривают уже больше восьми лет, так что я ничем не рисковал.

Я перемещался между их квартирами, но в основном проводил время в «Стрэнде». «Стрэнд» — замечательное место, настоящий оплот знаний. Конечно, он не такой большой, как другие книжные магазины. Но он удивительный. Служащие там передвигаются совершенно бесшумно, никто вас не беспокоит и не навязывает своего общества. Я знаю, некоторые книжные магазины претендуют на роль неких гостеприимных сообществ и оказывают вам всяческие знаки внимания. На самом же деле они лишь стараются продать вам побольше книг — как правило, совершенно ненужных. Но в «Стрэнде» все по-другому, тут вы полностью предоставлены сами себе. И это просто прекрасно.

Обычно я не искал ничего специально. Мог просто выбрать какую-нибудь букву и принимался искать авторов, чьи имена начинаются с этой буквы. Иногда рассматривал книги в какой-нибудь одной

секции, или перебирал еще не расставленные тома. А иногда развлекался тем, что открывал все книги в зеленых обложках.

Такое времяпрепровождение меня совершенно устраивало. Я мог бы встречаться с друзьями, но большинство из них проводили время с семьями или сидели за игровыми приставками. Я же предпочитал общаться с книгами.

Я был ужасно книжным, в самом серьезном смысле этого слова. Мне очень нравилось прилагательное «книжный», и я постоянно повторял его. «Книжный» — всего одним словом можно сразу сказать так много.

В этот день мне захотелось чего-нибудь особенного. Я просматривал полку с книгами своего любимого автора (не буду называть его имя, вдруг когда-нибудь с ним столкнусь), когда увидел красную записную книжку-молескин, засунутую между томами. Такие книжки часто выбирают те, кто не любит электронные блокноты. По записной книжке вообще можно очень многое сказать о человеке.

На корешке красной книжки ничего не было написано, и мне пришлось снять ее с полки, чтобы посмотреть, что же там на обложке. Спереди был наклеен стикер, на котором черными чернилами было написано: «Откроешь?» Я немедленно открыл книжку и на первой странице увидел слова:

«Я оставляю для тебя ключ.

Если хочешь, переверни страницу.

Если не хочешь, поставь книжку обратно на полку.»

Почерк был явно женский. Такие завитушечки рисуют только девчонки.

Конечно, я тут же перевернул страницу.

Ну вот.

1. Давай начнем с французского пианизма. Я, признаться, и сама толком не знаю, что это такое, но, думаю, о нем никто ничего не знает. Книгу даже не снимали с полки. Тебе нужен Чарльз Тимбрелл, а затем:

88/7/2

88/4/8

*Не переворачивай страницу,
пока не сделаешь того, что я сказала.*

(И, пожалуйста, не пиши ничего в записной книжке.)

Не могу сказать, чтобы я когда-нибудь слышал о французском пианизме; хотя, если на улице меня вдруг спросят: мол, не правда ли, французы — очень пианистичный народ? — я, скорее всего, соглашусь.

Тихие проходы между рядами полок в этом книжном магазине знакомы мне лучше, чем собственный дом, и я точно знал, где секция музыки. Зачем она подсказала мне имя автора? Она что, думает, я необразованный дурак?

Книгу я нашел довольно быстро. Она стояла именно там, где я и предполагал. Издатель даже не потрудился поместить на обложку какую-нибудь

иллюстрацию. Только заглавие: «Французский пианизм — историческая перспектива», затем имя автора — Чарльз Тимбрелл, а чуть ниже: предисловие Габи Касадесус.

Сначала я думал, что числа в красной тетрадке — это год, но не смог найти никакого упоминания ни о 1988-м, ни о 1888-м, ни о 1788-м — словом, ничего, имеющего отношения к датам. Немного погодя я догадался, что это значит. Я открыл страницу 88, нашел седьмую строчку, потом второе слово, потом четвертую строчку и, наконец, восьмое слово.

Скажи, что ты такое?

Что я такое? Что она имеет в виду? Что ей сказать? Может, дальше есть подсказка? Я перевернул страницу.

Молодец. Не солгал.

Что ты думаешь по поводу внешнего вида этой книги (кроме недостатков художественного оформления)?

Подумай об этом, а потом переверни страницу.

Ну, это легко. Я ненавижу, когда в заглавии вместо двоеточия ставят тире. Куда лучше было бы так: «Французский пианизм: историческая перспектива».

Если ты тоже обратил внимание на тире вместо двоеточия, то продолжай. Если ты отметил что-то другое, поставь книжку обратно на полку.

Я перевернул страницу.

*2. Толстушка — королева выпускного
64/4/9
119/3/8*

На сей раз никакого автора. Никакой подсказки.

Я захватил с собой книжку о французском панизме (мы с ней почти сроднились, я не мог ее оставить) и подошел к стойке информации.

— Я ищу «Толстушку — королеву выпускного», — обратился я к неприметному клерку.

Он не ответил, продолжая заниматься своими делами.

— Это книга, — уточнил я. — Не человек.

Клерк по-прежнему молчал, не поднимая глаз.

— Не могли бы вы хотя бы сказать, кто автор? Безуспешно. Парень не отрывал глаз от компьютера.

— На вас невидимые наушники? — спросил я.

Парень почесал локоть.

— Мы с вами знакомы? — упорствовал я. — Я бил вас в детском саду, и теперь вы мне так мстите? Вас зовут Стивен Литтл, да? Тогда простите, да, был такой инцидент, я пытался утопить вас в фонтане. Но вспомни, приятель: ты сам был виноват — ты разозлил меня.

Тут, наконец, парень соизволил меня заметить. Покачал косматой головой.

— Вы мне поможете с книгой? — спросил я.

— Мне запрещено говорить, где она, — объяснил он, — ни вам, ни кому-либо другому. Никому. И хоть я и не Стивен Литтл, вам все равно должно быть стыдно за свой поступок.

Итак, задача оказалась сложнее, чем я думал. Я попытался загрузить на свой телефон поисковик *Amazon.com*, но в магазине не было связи. Я подумал, что книга вряд ли окажется документальной, поэтому отправился в секцию художественной литературы и начал бродить вдоль полок. Я рассматривал корешки, уделяя особое внимание розовым — что-то мне подсказывало, что книга, скорее всего, будет розовая. И вдруг я ее увидел.

Открыл страницы 64 и 119 и прочитал:

Листай дальше.

Я перевернул страницу записной книжки.

Надо же, ты очень находчивый.

Ты нашел эту книгу в секции для подростков, поэтому я должна спросить тебя: ты подросток?

Если да, переверни страницу. Если нет, верни записную книжку туда, откуда взял.

Мне шестнадцать, так что все в порядке. Итак, следующая страница.

*3. Радости секса
(третье издание!)
66/12/5
181/18/7*

Отлично, по крайней мере, ясно, где искать эту книгу. Конечно, там, где полки с изданиями о сексе. Я нашел целых четыре экземпляра. Сразу открыл страницу 66, нашел 12-ю строчку, потом пятое, нужное слово.

трахаться

Я взгляделся. Перечитал еще раз.

Не хочешь ли потрахаться?

Что она имеет в виду?

Я перевернул страницу 181, причем не без дрожи.

Заниматься любовью молча — то же самое, что играть на немом пианино: хорошо, чтобы поддерживать себя в форме, но вообще-то это самообман.

Никогда не думал, что в одном предложении можно упомянуть и об игре на пианино, и о сексе, но, как выяснилось, возможно все.

В книге не было иллюстраций, так что визуальных подсказок ждать не приходилось. Тут я нашел седьмое слово: поиграть.

И все вместе теперь звучало так:

Не хочешь ли поиграть и потрахаться?

Что-то тут не так. Совершенно определенно не так.

Я снова посмотрел на страницу. И тут заметил, что ошибся! Я открыл шестьдесят пятую, а мне нужна была шестьдесят шестая!

Ну, в этом уже есть какой-то смысл!

Не хочешь ли поиграть?

— Дэш?

Я повернулся и увидел Прию, девчонку из нашей школы. Она была подругой моей бывшей девушки Софии, которая теперь жила в Испании (не из-за меня, не подумайте). Прия была совершенно обычной, хотя, честно сказать, я никогда к ней особо не присматривался.

— Привет, — сказал я.

И тут я заметил, что она изумленно смотрит на книги, которые я держу в руках — красный молескин, «Французский пианизм», «Толстушку — королеву выпускного». А четвертая оказалась открыта как раз на картинке, где пара творила друг с другом что-то такое, о чем я раньше даже не подозревал.

Мне стало неловко. Ситуация требовала какого-то объяснения, причем немедленного.

— Это для доклада, который я пишу, — сказал я, стараясь говорить убедительно. — О француз-

ском пианизме и его последствиях. Ты даже не подозреваешь, как далеко французы зашли в пианизме!

Было видно, что Прийя уже пожалела, что окликнула меня.

— Что ты делаешь на Рождество? — спросила она, кажется, только для того, чтобы что-нибудь сказать.

Мне на секунду показалось, что она хочет пригласить меня на какую-нибудь экскурсию или в кино, посмотреть какую-нибудь ерунду. Поэтому решительно сказал:

— Завтра уезжаю в Швецию.

— В Швецию?

Даже не знаю, почему я это ляпнул. Но сказанного не вернешь, и мне пришлось продолжать:

— Люблю Швецию в декабре. Дни короткие, ночи длинные. И улицы симпатично украшены.

Прийя кивнула.

— Да, наверное, там здорово.

Мы еще немного постояли. Оба молчали. Я знал, что теперь, по идее, моя очередь поддерживать разговор, но мне очень хотелось, чтобы Прийя наконец ушла.

Через тридцать секунд она сдалась.

— Ну ладно, мне пора.

— Счастливой Хануки, — сказал я. Мне всегда нравилось назвать какой-нибудь неожиданный праздник и посмотреть, как человек среагирует.

Но Прийя никак не отреагировала.

— Хорошо тебе провести время в Швеции, — сказала она и ушла.

Я переложил книги, чтобы красная записная книжка опять была наверху. И перевернул следующую страницу.

Ты стоишь в «Стрэнде» с книгой об искусстве любви, и значит, у нас отличные перспективы.

Надеюсь, ты уже купил эту книгу и считаешь, что она тебе пригодится. Это здорово! Значит, в твоей картине мира есть место и для меня.

А сейчас — последняя книга.

4. Что происходит в мире живых, автор — Мэри Хоув.

23/1/8

24/5/9,11,12,13,14,15

Совершенно заинтригованный, я немедленно отправился в раздел поэзии. Кто она, та, что пишет в красном молескине? Как странно — мы оба знаем одного и того же поэта. Большинство из моего окружения вообще не знают никаких поэтов. Я пытался поговорить о Мэри Хоув со многими своими приятелями, но всякий раз неудачно. Только София имела о ней какое-то представление, но почерк не Софии (к тому же она в Испании).

Я проверил нужную полку. Ничего. Просмотрел все полки с поэзией. Опять ничего. Я уже совсем расстроился, как вдруг увидел книгу на самой верх-